

Вокруг книг

УДК 327:355

DOI: 10.31249/kgt/2023.05.12

Научное наследие маршала Б.М. Шапошникова и проблемы современной стратегии

Алексей Алексеевич КРИВОПАЛОВ

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра
постсоветских исследований

Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН

Профсоюзная ул., д. 23, г. Москва, Российская Федерация, 117997

E-mail: krivopalov@centero.ru

ORCID: 0000-0002-7916-036X

ЦИТИРОВАНИЕ: Кривоपालов А.А. Научное наследие маршала
Б.М. Шапошникова и проблемы современной стратегии // Контуры глобальных
трансформаций: политика, экономика, право. 2023. Т. 16. № 5. С. 204–221.
DOI: 10.31249/kgt/2023.05.12

Статья поступила в редакцию: 27.10.2023.

Исправленный текст представлен: 05.12.2023.

БЛАГОДАРНОСТЬ: Исследование выполнено за счет гранта Российского
научного фонда (проект № 23-28-00622 «Стратегическая культура великих
держав в XX–XXI вв.: сравнительно-историческое исследование (на примере
России и США)» в Институте научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва,
Российская Федерация, 117418).

АННОТАЦИЯ. Данная статья
представляет собой попытку актуа-
лизации уникального научного наследия
маршала Б.М. Шапошникова. Экстра-
поляция его предостережений на со-
временность подсказывает истоки
деградации стратегического мышления
в стане ведущих мировых игроков. Тео-
рия стратегии располагается на стыке
наук. Обязанная своим рождением воен-
ным ученым, она вскоре привлекла к себе
внимание историков. Сегодня предмет-
ное поле стратегии всё чаще оспарива-
ется политологами и международни-

ками. Рассогласованность стратегии
и политики по-прежнему остается
одной из наиболее опасных ошибок госу-
дарственного управления. Хотя пробле-
мы, достижения и противоречия стра-
тегии, как правило, имеют актуальное
и злободневное звучание, наилучшим
образом они раскрываются в широкой
исторической ретроспективе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политика,
Сталин, стратегия, Шапошников, воен-
ная мысль, Генеральный штаб, Великая
Отечественная война, дипломатия.

Осенью 2022 г. 140-летие маршала Бориса Михайловича Шапошникова прошло в нашей стране практически незамеченным. Тревожная атмосфера неопределенности в связи с неудачами на украинском фронте не способствовала широкому празднованию исторических юбилеев. Однако именно в наши дни обращение к научному наследию этого выдающегося военного деятеля приобретает особую актуальность. Опубликованный почти сто лет назад фундаментальный труд «Мозг армии» при внимательном прочтении указывает на причины нарастающего дефицита стратегического мышления у вершителей мировой политики. В наши дни данная проблема приняла широкий и универсальный размах. В США, как это теперь открыто признается ведущими аналитиками и экспертами, на протяжении многих лет военное строительство осуществляется в «антистратегической» среде [Augier, Barret, Mullen, 2021]. Стратегия там, по сути, проваливается в институциональную расщелину между политикой и непосредственной практикой штабного планирования, ограниченного рамками конкретного театра [On Strategy..., 2020]. Глубокое взаимное отчуждение двух важнейших горизонтов конфликтной динамики во много девальвирует бесспорную экономическую и военно-техническую мощь американской сверхдержавы [Кривопалов, 2022/Krivo-palov, 2023]. В России взаимоотношения политики и стратегии долгое время также были далеки от гармонии. Сочетание максималистских внешнеполитических целей при недостаточном внимании к их военно-силовому обеспечению во многом запрограммировало неудачу в начальной фазе украинской кампании. И лишь болезненные уроки полномасштабного вооруженного конфликта доходчивее любого теоретизирования доказали, что стратегия

не является благозвучным синонимом политики.

Центральной темой научной работы Шапошникова стали деструктивные противоречия, возникающие на стыке политического решения и стратегического действия. Книга «Мозг армии» представляет собой уникальный исторический путеводитель, повествующий о тех потенциальных опасностях, которые обязана принять во внимание ответственная политика на пути к необратимому военному решению. Какими бы актуальными ни казались нам сегодня размышления Шапошникова, своим зарождением они обязаны потребностям и вызовам XX столетия. Этот дуализм определяет общую двухчастную композицию статьи, в которой биографический этюд служит ключом к современной политико-стратегической проблематике. Закономерность взаимного отчуждения на высших этапах руководства войной может быть твердо установлена лишь при уточнении некоторых спорных исторических обстоятельств.

Современная военная теория выражает себя преимущественно по-английски, однако при диагностике наиболее актуальных и острых проблем стратегии обращение к отечественной классике способно существенно расширить наш исследовательский кругозор. Хотя научный метод познания законов войны глубоко укоренен в российской традиции, его эффективность дифференцируется в зависимости от горизонта ответственности. Научный подход не вызывает затруднений лишь там, где преобладают измеримые величины, то есть в области тактики, непосредственного планирования и осуществления боевых операций. Однако на стратегическом ярусе мнимая математическая строгость, как правило, исчезает.

По закону обратной пропорциональности с расширением горизон-

та руководства войной способность высшего руководства «правильно рассчитать, четко организовать и твердо направить» сокращается. На высшем уровне ответственности для успеха уже недостаточно одного лишь верного «командирского глазомера». Решающее значение приобретает умение динамично соотносить политические цели и стратегические средства, непрерывно учитывать их взаимные потребности и возможности по ходу развития конфликта. Только в этом случае всегда ограниченная в своих ресурсах военная система государства в каждый конкретный момент времени будет решать только посильные для себя задачи. В этом смысле стратегическое искусство в корне отличается от организационных методов оперативно-тактического предназначения. Хотя стратегия и тактика на первый взгляд обманчиво близки, их основополагающая внутренняя логика принципиально различается. Конечные цели той и другой лежат на расходящихся направлениях. Вместо стремления тактики к кульминации, то есть к победе в бою, стратегия стремится к благоприятному продолжению событий. В ее горизонте любые достижения на самом деле не являются окончательными [On Strategy..., 2020, p. 8].

В мировой научной литературе существует великое множество определений стратегии. Одни могут быть пространственными, сухими и нормативными, другие, напротив, лаконичными, образными и афористичными. Ученые не всегда могут сформулировать «что это такое», но, как правило, безошибочно указывают, «где следует искать». Как бы ни соперничали между собой взгляды на суть, цели и задачи стратегии, как бы ни множились остроумные дефиниции – место стратегии всегда будет рядом с политикой. Она начинается и заканчивается там, где

политика желает достичь своих целей военными средствами, и в этом смысле служит универсальным переводчиком нередко абстрактных внешнеполитических императивов на язык практических военных решений. В то же время стратегия – это не столько про войну, сколько про искусство правильно распорядиться совокупной государственной мощью для обретения желаемого внешнеполитического положения. Таким образом, стратегия и война соотносятся примерно так же, как внешняя политика и дипломатия. Эти явления, хотя и очень близки по смыслу, всё же не совпадают в своих границах.

Стратегическая культура имеет мало общего с сиюминутными гениальными озарениями. Скорее, она являет собой растянутый во времени процесс, идущий в такт эволюционного развития государственной машины. Он вбирает в себя множество текущих решений, повседневных рутинных согласований, институциональных компромиссов и личных трений. Проблемы стратегии, таким образом, фиксируются прочным историческим якорем. Ее сквозные и вечные темы всякий раз накладываются на уникальный событийный ландшафт. Призвание стратегии состоит в том, чтобы служить рациональным задачам политики, приводя к равновесию цели, средства и риски. Хотя базовый стратегический канон остается неизменным, воздействующие на него социальные и технологические переменные усложняют порядок отношений между различными горизонтами руководства войной.

При жизни Шапошникова стратегические проблемы формулировались главным образом в категориях тотальной войны, требовавшей крайнего напряжения военных, экономических и демографических ресурсов, а также предельной идеологической консолидации. Законной целью борьбы было

ниспровержение соперника вплоть до ликвидации его государственно-сти. Искусство стратегии и политики заключалось в том, чтобы аккумулировать громадные ресурсы, скрытые внутри индустриального общества, и затем обменять их на победу в развернувшемся экзистенциальном конфликте. Действительность XXI столетия задает стратегическому творчеству менее жесткие рамки. Наличие ядерного оружия и фактор распада базовых социальных структур эпохи модерна делает невозможным ведение тотальной войны между великими державами. Конфликты вновь стали локальными и, в силу этого, ограниченными по целям и средствам. Функция стратегического планирования и прогнозирования постепенно утратила исключительную ассоциацию с вооруженной борьбой. Современная стратегическая теория вышла за пределы классической военной науки и стала неотъемлемым инструментом политического анализа.

Будущий «патриарх» советской штабной службы появился на свет в провинциальном Златоусте 2 октября 1882 г. Решив посвятить себя ратному ремеслу, в 1901–1903 гг. Борис Михайлович поступил в московское Алексеевское военное училище. После непродолжительной службы в Туркестане в 1907 г. Шапошников поступил в Николаевскую академию Генерального штаба в Петербурге, которую в 1910 г. окончил по первому разряду и был причислен к Генеральному штабу. Начало Первой мировой войны застало его в должности старшего адъютанта штаба 14-й кавалерийской дивизии.

Полковник Шапошников принял Октябрьскую революцию и в мае 1918 г. добровольно поступил на службу в Красную армию. Достаточно быстро, уже к середине 1919 г.,

он выделился в тонкую прослойку тех беспартийных «военспецов», в руках которых сосредоточилось непосредственное оперативное управление силами Красной армии на фронтах Гражданской войны. Если в политическом отношении Полевой штаб РВСР находился под руководством Л.Д. Троцкого и Э.М. Скиянского, в техническом смысле его работу возглавил триумфатор профессиональных генштабистов в составе С.С. Каменева, П.П. Лебедева и Б.М. Шапошников. Таким образом, после главнокомандующего вооруженными силами Республики и начальника Полевого штаба РВСР Шапошников, как начальник оперативного управления Полевого штаба, фактически оказался третьим человеком в иерархии высшего военного управления «красных» на исходе Гражданской войны.

В конце 1920-х годов в партийно-политической борьбе одержала верх группа сторонников И.В. Сталина. Это не сулило военспецам из числа бывших офицеров императорской армии ничего хорошего, поскольку Сталин еще с Гражданской войны относился к ним с глубоким недоверием. В дальнейшем руками чекистов Сталин в несколько приемов практически полностью очистил Красную армию от этого потенциально нелояльного элемента [Ганин, 2009, с. 78–83]. Однако Шапошникову по не до конца понятным причинам Сталин в 1920–1930-е гг. неизменно благоволил. Благополучно пережив несколько волн репрессий, Борис Михайлович сумел сохранить жизнь, свободу и высокое положение в армии [Ганин, 2016, с. 37–41]. Шапошников принимал активное участие в советском мобилизационном планировании, и к середине 1930-х годов превратился в неформального советника вождя по самому широкому кругу оборонных вопросов. В 1940 г. он удостоился звания Маршала Советского Союза.

Шапошников трижды занимал пост начальника Генерального штаба¹, что было, пожалуй, уникальным случаем в истории отечественных Вооруженных сил. В черные дни 1941 г. под его руководством Красной армии удалось остановить противника, стабилизировать линию фронта и перейти в контрнаступление. Борис Михайлович сохранил доверие Сталина даже после ухода с поста начальника Генштаба в связи с тяжелыми поражениями под Харьковом и Керчью в мае 1942 г. В последние годы жизни Шапошников возглавлял Высшую военную академию им. К.Е. Ворошилова, где по ускоренным учебным программам было подготовлено более 1200 слушателей. Проанализированный и систематизированный фронтовой опыт использовался для профессиональной шлифовки будущих командиров дивизий и корпусов, что обеспечило стремительный качественный рост штабного управления советскими войсками на завершающем этапе войны. Выдающийся военачальник, воплотивший редкое сочетание мыслителя и практика, не дожил до капитуляции Германии всего лишь 44 дня.

Magnum Opus

После войны маршалы и генералы, начиная с Г.К. Жукова [Жуков, 1985, с. 99–100], отзывались о Шапошникове с неизменным почтением. Для многих из них Борис Михайлович действительно был учителем и наставником [Василевский, 1983, с. 60–62, 79–91; Штеменко, 1989, с. 20–33]. Однако посмертное прославление Шапошникова, в котором идеологической машине советского государства нередко изменяло чувство меры, в целом негативно

сказалось на судьбе его главного литературного произведения [Горелик, 1983]. С одной стороны, официальная военная наука возвела «Мозг армии» в ранг чуть ли не «библии» советского генштабиста. С другой стороны, несмотря на то, что даже сегодня упоминания и ссылки на книгу являются среди военных историков правилом хорошего тона [История ..., 2000], ее с годами всё реже читали и всё хуже понимали [Баландин, 2005; Уроки стратегии..., 2023].

Влияние политической либерализации 1980–1990-х годов в случае с Шапошниковым оказалось двойственным. В отличие от Жукова и М.Н. Тухачевского, его счастливо обошла стороной безжалостная отечественная мода на развенчание знаковых фигур прошлого. Однако применительно к истории советской стратегии именно статус ближайшего сотрудника Сталина и отсутствие «тернового венца» мученика отчасти уводило фигуру Шапошникова в тень расстрелянного в 1938 г. А.А. Свечина [Кокошин, 1988; Кокошин, 2013].

Теоретически снять пелену забвения могло бы запоздалое признание на Западе, как произошло, например, с комбригом Г.С. Иссерсоном [Harrison, 2010]. Разработанная этим советским ученым новаторская концепция глубокой операции произвела сильное впечатление на американских военных интеллектуалов. Однако Шапошникову и здесь не повезло. Хотя в начале 1930-х годов именно он был начальником военной академии им. М.В. Фрунзе, в стенах которой создавалась новая советская доктрина, оперативные и тактические воззрения самого Бориса Михайловича в целом оставались достаточно консервативными. Преобладающая в сюжетной линии «Мозга

1 В 1928–1931, 1937–1940 и 1941–1942 гг. – А. К.

армии» тема политико-стратегической синергии в то время еще не находила отклика у западных исследователей. Британский историк Д. Эриксон, автор небезынтересной книги «Советское верховное командование» [Erickson, 1962], в свое время посчитал большинство тезисов Шапошникова тривиальными и не заслуживающими внимания [Кен, 2008, с. 99]. Что характерно, именно Эриксон был учителем К. Грэя, создателя современной теории «моста», метафизически соединяющей политические цели и военно-стратегические средства [Gray, 2010].

Три тома «Мозга армии» были изданы в 1927–1929 гг. Основные мысли Шапошникова о сопряжении политики и стратегии заключены в последней части третьего тома. Все остальные разделы труда служили в качестве исторического экскурса и представляли собой систематизацию богатого фактического материала, необходимого автору для развернутой аргументации. Как полагал А.А. Свечин, стратегия непостижима вне контекста. Ее мысль оттачивается посредством систематизированных размышлений над военной историей [Свечин, 1927, с. 23]. Без этих опорных точек исследование чаще всего превращается в пустое теоретизирование. Борис Михайлович придерживался аналогичного метода.

Хронологические рамки исследования вобрали в себя большую часть XIX и начало XX столетия. Героями книги Шапошникова стали императоры, короли, министры, канцлеры и полководцы, готовившиеся к предстоящим битвам в кабинетной тиши европейских генеральных штабов. Фабула книги описывала два последовательных процесса: сначала историю приспособления стратегии к внешнему давлению со стороны политики, а потом ответную реакцию в виде намагничивания предметного поля политики

взрывоопасной военно-стратегической проблематикой. В последнем случае решающую роль сыграла огромная инерция мобилизационного планирования в эпоху многомиллионных армий [Шапошников, 1929, с. 271].

Стратегия зарождалась и созревала внутри «треугольника», вершины которого образовывали верховная государственная власть, армия и внешнеполитическое ведомство. По отношению к политике она в идеале должна играть подчиненную роль. В стратегическом решении эманация политической воли напоминает разложение света в спектр. «Политика должна облегчить стратегии ведение войны, – напоминал Шапошников основную идею Клаузевица. Политические цели намечаются окончательно лишь по согласованию их со стратегией. С точки зрения германского теоретика, стратегия может видоизменять политические цели, но никак не диктовать их. Он не намеревался превращать войну в самоцель, как это сделал потом Мольтке и его последователи» [Шапошников, 1929, с. 234]. «Теория Клаузевица о внешней политике и войне была хорошо известна не только начальникам генеральных штабов, но и дипломатии. Правда, от одного знания до истинного понимания теории еще дистанция огромного размера. <...> Положение Клаузевица, позаимствованное у Бюлова, можно уподобить музыкальной пьеске, попавшей в шарманку. В зависимости от того, насколько совершен самый инструмент, кто и как вертел и продолжает вертеть ручку этого инструмента даже в наши дни, мы слышали ту или иную теорию, построенную на мыслях философа войны с соответствующей, конечно, индивидуальной окраской» [Шапошников, 1929, с. 229].

При Г. фон Мольтке-старшем, по мере возвышения созданного им института независимого Генерального

штаба над прочими органами германского военного управления, исходная формула Клаузевица о «продолжении политики насильственными средствами» дала глубокую трещину. «Война есть средство политики, – утверждал Шапошников, – и с открытием военных действий политика не прекращается, а имеет свое продолжение в самом ходе войны. Правда, такое понятие взаимоотношений политики со стратегией не усваивалось в полной мере перед войной 1914 г.: считалось, что с объявлением войны в соотношениях враждующих сторон «перо заменяется мечом» [Шапошников, 1929, с. 212].

В войнах за объединение Германии императив приспособления к целеустремленной политической воле О. фон Бисмарка побуждал фельдмаршала Мольтке подменять стратегию тем, что в следующем столетии именовалось оперативным искусством. Лишь отгородившись жесткими рамками театра боевых действий, можно было парировать и отчасти нейтрализовать вмешательство «железного канцлера» в круг профессиональных военных вопросов, которые Мольтке считал областью своей исключительной ответственности. «Клаузевиц с достаточной ясностью говорит о том, что война не есть что-то самодовлеющее, что как ни особа ее природа, дух войны, но подчинить политику этой природе нельзя, ибо тогда явится нечто бессмысленное и бесцельное» [Шапошников, 1929, с. 232]. Однако, «сославшись на авторитет Клаузевица, Мольтке выдвинул на первый план “дух войны”, ее природу, и на этом построил свою теорию независимости войны от политики. Положение очень заманчивое для Генерального штаба» [Шапошников, 1929, с. 230]. Таким образом, в европейской исторической ретроспективе наблюдалась сначала «тактизация» стратегии, а затем ее «инверсия», то есть подмена широко-

го политического целеполагания соображениями узко трактуемой военно-стратегической целесообразности.

В сюжетной линии «Мозга армии» на роль протагониста Борис Михайлович избрал начальника австро-венгерского Генерального штаба накануне Первой мировой войны графа Ф. Конрада фон Гетцендорфа. Июльский кризис 1914 г. австрийский военачальник встретил в условиях полного разрушения субординации между верхними ярусами конфликтной динамики. «Конрад не отмежевывался от политики, а уходил в нее с головой. По существу дела, мы не должны ему ставить это в упрек, если бы только были правильные с его стороны предпосылки к этому» [Шапошников, 1929, с. 232]. «Глубокие мысли Клаузевица были лишь формально усвоены Конрадом. Если Клаузевиц требовал, чтобы война принимала характер политики, то Конрад, наоборот, считал нормой, чтобы политика принимала тот или иной характер в зависимости от природы войны. Политика должна была, по его мнению, сообразоваться с законами войны, не требовать от последней чего-либо противоречащего ее духу. Наоборот, политика должна облегчить стратегии ведение войны» [Шапошников, 1929, с. 234]. «Теоретически Конрад признавал руководящую роль внешней политики в подготовке к войне, но на практике предъявлял к дипломатии такие требования, которые сводили на нет всю теорию Клаузевица» [Шапошников, 1929, с. 338].

Шапошников справедливо приписывал Клаузевицу монистическое понимание войны. Критический идеализм немецкого ученого достигал истине кантианских высот. Не случайно при жизни, терзаемый мучительными сомнениями, он считал законченной лишь первую главу своего трактата. В поиске истины идеали-

стический монизм вывел Клаузевица на замкнутую траекторию познания, в которой тщательное доказательство каждого отдельно взятого тезиса сменялось столь же принципиальным его опровержением, и лишь холерная эпидемия 1831 г. прервала этот напряженный внутренний диалог. То якобы оптимальное сопряжение политики и стратегии, что моделировалось на страницах трактата «О войне», принадлежало к разряду идеальных типов, – законченных правильных методологических и теоретических построений, не являющихся элементами эмпирического бытия. Звучавшая в исполнении Клаузевица политико-стратегическая симфония не могла повториться в реальной государственной практике, сотканной из личных трений и множественных компромиссов. Тем не менее при всей условности принятая за эталон образца драматическая история политико-стратегической «инверсии» была крайне важна для Шапошникова. Служила она не только дидактической, но и сугубо личной цели.

Шапошников и судьба Генерального штаба в России

Если сфера военно-стратегического планирования оказалась в ведении германского Генерального штаба уже при Г. фон Мольтке-старшем, в 1860–1870-е годы, то после отставки в 1890 г. «железного канцлера» Генштаб постепенно распространил свое влияние на область внешней политики и дипломатии. К 1917–1918 гг. история стала свидетельницей еще более радикального расширения функций и полномочий Генерального штаба. Германский опыт милитаризации экономики, осуществленной в 1917–1918 гг., под руководством Генерального штаба получил в СССР самую высокую оценку. К концу войны верховное командование в лице

начальника Генерального штаба фельдмаршала П. фон Гинденбурга и его первого обер-квартирмейстера генерала Э. Людендорфа сосредоточило в своих руках не только ведение боевых операций, но и централизованное управление всем народно-хозяйственным комплексом страны. Сверхконцентрация ресурсов позволила немцам частично уравновесить значительное экономическое превосходство Антанты.

В дореволюционной России институциональное положение Генерального штаба оставалось относительно скромным, что подогревало глухое недовольство наиболее амбициозной части молодого поколения его сотрудников. К числу последних относился А.А. Свечин. Часть генштабистов искренне поддержала советскую власть и некоторое время связывала с ней надежды на создание в России того идеального Генерального штаба, о котором мечтала при старом режиме. Свечин и его последователи отдавали дань модным технократическим утопиям XX столетия. В представлении Свечина подобное суперведомство даже в мирное время ни на минуту не должно было прекращать подготовку страны к тотальной войне. Его целью было объединение усилий политики, стратегии и экономики. В теории коллективный «интегральный» полководец должен был сначала организованно аккумулировать все типы государственных ресурсов и затем, руководствуясь в своих действиях строго научными расчетами и прогнозами, обменять их на победу в войне.

В 1920-е годы подобные взгляды находили поддержку у некоторой части военно-политических кругов Советской Республики, в частности, у М.Н. Тухачевского, начальника Штаба РККА в 1925–1928 гг. До революции он не получил высшего военного образования и формально не принадле-

жал к группе офицеров-генштабистов. Более того, в 1920-е годы именно Тухачевский стал организатором политической травли Свечина. Тем не менее, как ни парадоксально, Свечин и его антипод придерживались созвучных взглядов на задачи высшего военного управления.

Современники не всегда сознавали, насколько опасными могли быть их мечты о создании «интегрального Генштаба» в политических условиях большевистской диктатуры. Правящая партия, зная цену завоеванной монополии на власть, считала «интегрирующую» функцию своей неотъемлемой прерогативой. «Вскоре, – писал историк советского оборонного строительства О.Н. Кен, – само понятие «Генеральный штаб» подверглось осуждению, как неприменимое к строительству и руководству Вооруженными силами СССР» [Кен, 2008, с. 30].

Как считал крупный исследователь военной экономики В.В. Шлыков, тенденция экспансии во все сферы жизни страны была присуща самой структуре Генштаба начала XX в. В советские времена эта тенденция в какой-то мере сдерживалась коммунистической партией, внимательно следившей как за подбором кадров в военное руководство, так и за тем, чтобы министр обороны в партийной иерархии был всегда выше начальника Генштаба. Не случайно министр обороны был, как правило, членом или кандидатом в члены политбюро, а начальник Генштаба не поднимался выше членства в ЦК [Шлыков, 2000, с. 18]. Фигура начальника Генерального штаба с точки зрения неформального аппаратного влияния перевесила министра обороны лишь при М.С. Горбачеве, – то есть в терминальной стадии кризиса советского государства [Hines, 1995, p. 201].

В отличие от «Стратегии» Свечина, книга «Мозг армии» едва ли предназна-

чалась слушателям военных академий. Будущий офицер Генерального штаба нашел бы в ней минимум практических советов и рекомендаций. Работа не знакомила его с парадоксальными формами стратегии, что виртуозно удалось Свечину, осветившему 190 наиболее острых вопросов внутри 18 тематических глав. Шапошников ничего не рассказывал о бесчисленных нюансах, которые необходимо принять во внимание, планируя мобилизационное развертывание и стратегическое сосредоточение. Его обширные исторические экскурсы служили принципиально иной цели. Основным сигналом «Мозга армии» – опасность выхода военно-политической обстановки из-под контроля правительственных кругов – был адресован не Генеральному штабу, но высшей партийной элите молодого революционного государства.

«При здравомыслием и крепком правительстве, – полагал автор, – не может быть какой-либо речи о разногласиях в вопросах внешней политики между органами, ее представляющими в государстве, и Генеральным штабом. Та борьба за власть в этой области, которую отмечает история на протяжении XIX в., должна служить ярким примером тех вредных следствий, коими она оканчивалась. Плохое наследство оставил германскому и союзному ему австро-венгерскому генеральным штабам их пророк – прусский фельдмаршал Мольтке-старший, завещав борьбу за власть с внешней политикой. Борьба кончилась полным поражением, и «Версаль» оказался «Каннами» для генеральных штабов срединных государств. Политическая смерть тягостнее естественной» [Шапошников, 1929, с. 351].

Мечты Свечина и Тухачевского об «интегральном Генштабе» германского образца не прельщали Шапошникова, интуитивно чувствовавшего опасность подобных идей. По мнению Бориса Ми-

хайловича, было бы достаточно того, если Штаб РККА ограничится вопросами мобилизационного развертывания и чисто оперативного планирования, не вторгаясь при этом в сферу экономической подготовки войны. Не случайно на роль главного героя «Мозга армии» Шапошников благоразумно избрал начальника не германского, но австро-венгерского Генерального штаба. Хотя в начале XX столетия процесс профессионализации штабной службы так или иначе затронул все ведущие европейские армии, ссылка на австрийский, а не германский исторический опыт в глазах подозрительных кремлевских читателей должна была выглядеть менее вызывающей.

В начавшейся после смерти В.И. Ленина партийно-политической борьбе Шапошников принял сторону Сталина. Сегодня мы знаем, что само по себе это еще ничего не гарантировало. Как показала трагическая судьба Тухачевского, оммаж Сталину был строго обязательным, но, увы, не единственным условием последующего выживания. В 1937–1938 гг. новоявленный «красный император» с беспощадной жесткостью объяснил военным, чем могут обернуться их притязания на самостоятельную политическую роль. Хорошо различимым подтекстом своей программной работы Шапошников давал торжественное обещание никогда не покушаться на прерогативы вышестоящей инстанции. И, рассуждая от противного, будущий генералиссимус принял декларацию будущего маршала.

Шапошников и Сталин

Современники традиционно подчеркивали необычный характер отношений Бориса Михайловича с вождем. Уже одно только обращение друг к другу по имени-отчеству было важным символическим отступлением от стро-

гоев кремлевского этикета 1930-х годов. Однако мы никогда не узнаем, какое страшное напряжение таилось за этой внешне спокойной вежливостью. Весной 1931 г. ОГПУ получило на Шапошникова компрометирующие материалы. Показаниями арестованного по делу «Весна» преподавателя Военной академии С.Г. Бежанова-Сакварелидзе начальник Штаба РККА Шапошников изобличался как участник «Московского контрреволюционного центра». 13 марта 1931 г. на очной ставке с Бежановым в присутствии Сталина и членов политбюро Борис Михайловичу удалось оправдаться. Однако после этого он всё равно оказался временно удален из столицы и переведен на должность командующего второстепенным Приволжским военным округом [Кен, 2008, с. 301]. В июне 1937 г. Шапошников был одним из тех, кто в составе Специального судебного присутствия вынес Тухачевскому смертный приговор. Кесарю отдавалось кесарево...

На страницах «Мозга армии» Шапошников ни в коем случае не позволял себе завуалированного глумления над идеологическими основами, чем неоднократно бравировал Свечин. «Более глубокое исследование, – гласит введение к «Стратегии», – привело бы, вероятно, автора к слабому, банальному повторению тех сильных и ярких мыслей, которые с огромным авторитетом и убедительностью развиты в трудах Ленина и Радека, посвященных войне и империализму. Наша авторитетность в вопросах современного толкования марксизма, к сожалению, столь ничтожна и столь горячо оспаривается, что попытка такого повторения, очевидно, была бы бесполезна». Спустя 10 лет в сталинском государстве подобные колкости задним числом сделались *Responsio Mortifera* – «ответом, несущим смерть», увековеченным в пометке инк-

визитора на полях следственного дела Жанны д'Арк.

Там, где лесь Свечина звучала явным издевательством, Шапошников старался выглядеть серьезным. «Если мы возьмем марксистов, – утверждал он, – то стремление их изучать войну как вид общественных отношений, познать ее основы можно признать общим. Начиная с Маркса, ряд основоположников марксизма – Энгельс, Меринг, Ленин – все они внимательно изучали философию войны Клаузевица. Война в ее основе была хорошо знакома Ленину, потому мы и видим с его стороны правильную ориентировку в ней, как в действии политическом, и понимание ее чисто военных явлений» [Шапошников, 1929, с. 280]. Шапошников утверждал, что «в основе всех отношений – как внутренних, так и внешних – лежат экономические отношения» [Шапошников, 1929, с. 228]. «В наши дни отлично известно, что политика есть надстройка экономики, а поэтому для правильного уразумления политических целей государств в состоянии войны мы полагаем необходимым прежде всего рассмотреть их экономические связи» [Шапошников, 1929, с. 261].

Подражая ленинской полемической манере, Шапошников обзывал К. Каутского «апостолом меньшевизма» [Шапошников, 1929, с. 267], однако, несмотря на все реверансы в сторону основоположников, ревнители марксистского вероучения по-прежнему видели в авторе лишь попутчика. Как гласило красноречивое примечание издателя, «редакция считает, что вопрос о взаимоотношениях между генеральными штабами и правительственной властью Австро-Венгрии и Германии на протяжении всего труда т. Шапош-

никова недостаточно мотивирован с точки зрения социально-политических и исторических особенностей этих бывших монархий» [Шапошников, 1929, с. 335].

В 1930 г. Шапошников стал членом ВКП (б). В его служебных бумагах конспекты по марксистско-ленинской учебе хранились на самом видном месте, что впоследствии отразилось на структуре личного фонда в Российском государственном военном архиве². Открыв опись документов, я не мог отделаться от ощущения, что первым читателем своих рукописей автор подсознательно видел следователя НКВД. Шапошниковым были подготовлены воспоминания о ранних годах жизни и службе в императорской армии [Шапошников, 1974], но мысли о сталинском времени он, по всей видимости, не рискнул доверить бумаге.

В заключительном разделе третьего тома «Мозга армии» особое внимание обращают на себя те соображения, которые Шапошников в обезличенной форме посвятил будущему верховному главнокомандующему. Обращаясь к важным для большевиков историческим примерам, автор пытался еще раз предупредить вождей партии насчет опасности политико-стратегической «инверсии». «В критические дни в Петербурге интимные кружки Генерального штаба и внешней политики объединились в дружной атаке на своих патронов. Тайные силы бюрократического уклада ведомств, – наминал Шапошников, – при наличии во главе их слабовольных людей, пришли в действие в июльские дни 1914 г. на берегах Невы. В то время, как ответственные за решения лица, с мешками под глазами от бессонных ночей, как, например, у Янушкевича,

2 РГВА. Ф. 30219. Б.М. Шапошников. Личный фонд. Оп. 1. Д. 1, 2. Заметки к докладом и личные записи.

в тяжелых муках рождали эти решения, за их спиной жаждавшие славы второстепенные персонажи истории направляли ее по кровавому пути войны. Речь идет о законе не установленных, но жизнью вызванных на сцену кружках вокруг начальника Генерального штаба. Эти круги образовывались лишь при начальниках, слабых волей и подпадавших под влияние своих подчиненных, стремившихся творить историю за спиной своего начальства. Такую же картину приходилось наблюдать в министерствах иностранных дел некоторых из государств на пороге мировой войны. Второстепенные персонажи дипломатии, безответственные за свои речи, прикрывавшиеся мнением министра, ткали дипломатическую интригу и вели закулисную игру. Едва ли следует особо останавливаться на всём вреде, который приносили подобные интимные кружки в истории буржуазной политики и стратегии. Эти злокачественные наросты должны всегда удаляться, – если нужно, то и операционным путем. За подобными операциями прежде всего должен следить тот государственный деятель, вокруг которого стараются развернуть свою темную работу безответственные дипломаты и стратеги из категории Геростратов наших дней» [Шапошников, 1929, с. 347].

Когда Борис Михайлович писал о вреде «интимных кружков», он безошибочно угадал, насколько эта мысль окажется созвучна инстинктам Иосифа Виссарионовича. В 1930-е годы Сталин террористическими методами искоренил практику любых неформальных внеслужебных контактов. К примеру, сколь бы ни была полезна в разгар Судетского кризиса 1938 г. закрытая встреча руководителей Генштаба и Наркомата иностранных дел, сколь бы ни было желательно откровенное взаимное объяснение стратегии

и дипломатии относительно возможностей друг друга, – внутри сталинской управленческой вертикали сама мысль об установлении подобных горизонтальных связей граничила с самоубийством.

Как следует из подтекста, свою воображаемую историческую роль и, если угодно, будущую жизненную миссию Шапошников определил неприятно. «Мы не беремся набрасывать здесь проекты органов управления коалиционной войной, ибо считаем это делом государственной важности, а не частных занятий с пером в руках. Нами сформулированы отправные данные для этого: коллективизм и три кита единения коалиции с учетом чисто военных особенностей при фронтовом управлении. Предоставляем затем желающим полный простор составления различных проектов управления войной государственными мужами, в том числе и высшими представителями “мозга армии”, отнюдь не желая оспаривать их достоинства и их лавры. Нам не раз указывали на излишнюю нашу скромность, но мы предпочитаем оставаться в литературной тени, нежели быть назойливым, непризванным и непризнанным “мужем государственным”. Приватная политика и стратегия – большой соблазн для служителей литературного пера, но в то же время и большое зло для практической деятельности и жизни. Способность к воздержанию – иногда очень полезное качество темперамента» [Шапошников, 1929, с. 373]. Этому своему кредо маршал Шапошников остался верен до самого конца...

Как мы знаем, в 1939–1941 гг. Сталин не допустил «инверсии», то есть характерной для 1914 г. подмены политического целеполагания набором военно-стратегических решений. Общий ход приготовлений СССР к смертельному поединку с Германией ни

на секунду не выскользнул из его рук. Накануне Великой Отечественной войны мобилизационная техника не узурпировала контроль над советской стратегией, и ее соображения не заслонили экзистенциальную, а потому простую и очевидную политическую цель. Летняя катастрофа 1941 г. имела под собой иные предпосылки. Ее обусловила, скорее, фундаментальная рассогласованность военно-стратегического планирования и внешней политики. Явление, на первый взгляд, поразительное в свете прочной консолидации сталинского единовластия. Стратегия и военное планирование, политика и дипломатия, индустриализация и программа технического перевооружения РККА развивались в форме непересекающихся прямых. Рассинхронизация советской внешней политики и стратегии имела следствием их последовательное ослепление и дезориентацию. К сожалению, после 1945 г. вскрыть предвоенные ошибки Сталина с пронизательностью и литературным мастерством Шапошникова оказалось некому...

«В жестоких ударах истории мы почерпнем громадную пользу для новой жизни»

Хотя личность Шапошникова принадлежит русской истории, как всякий настоящий классик, он продолжает оставаться нашим современником. Характерные коррозии на стыке политики и стратегии, обнаруженные Борисом Михайловичем, прямо влияют на эффективность руководства войной. Окончательная кодификация данного раздела теории стратегии, по всей видимости, принадлежит неопределенному будущему.

Монизм войны неподвластен социальным трансформациям и научно-техническому прогрессу. Подчиняя себе стихию конфликта, политика обя-

зана слышать голос стратегии и учитывать границы возможного. На страницах «Мозга армии» мы можем видеть наиболее адекватное прочтение основной мысли Клаузевица о субординации стратегии по отношению к политике. Иерархическое разделение необходимо прежде всего во избежание разбалансировки их сложного механизма.

В современной западной военно-теоретической литературе под влиянием К. Грэя всё шире распространяется аллегория воображаемого стратегического «моста», якобы связующего политическую цель и военные средства. С моей точки зрения, она хороша лишь в качестве метафоры. «Конфликт между парадоксальной логикой войны и прямолинейной логикой политики, – полагает современный американский классик Э. Люттвак, – по сути, неизбежен. Поэтому почти все военные считают почти всех политиков либо слишком дерзкими, либо слишком робкими» [Люттвак, 2012, с. 195]. «Государственным лидерам, особенно в демократических странах, сложно учитывать парадоксальную логику стратегии. Чтобы сохранить власть и авторитет, демократические лидеры должны подчиняться прямолинейной логике консенсусальной политики. Это значит, что они не могут действовать парадоксально» [Люттвак, 2012, с. 75]. Поскольку окутанные туманом войны берега не бывают параллельны, при движении от линейного к парадоксальному такой «мост» в самый неподходящий момент обрывается в «зазеркалье». Для подобных интеллектуальных упражнений гравюры М. Эшера куда полезнее инженерных чертежей А.В. Шусева.

Если мы рассмотрим процесс подготовки конкретного стратегического решения сквозь фильтр идеальных представлений Клаузевица, то легко обнаружим следы разнообразных патологий. В контуре военного управления

особенно уязвимы стыки стратегии с вышестоящим и нижестоящим ярусом. Проблема классификации и системной диагностики таких программных сбоев далека от решения не только в российской, но и в западной науке.

Одним из распространенных заблуждений стратегии является ее «тактизация». Как правило, она становится побочным продуктом сопротивления военному руководству избыточному политическому давлению. В результате стратегическая перспектива замещается суммой оперативно-тактических инструментов. Шапошников раскрыл суть «тактизации» на примере Мольтке, и в дальнейшем ее печатью были отмечены военные усилия Германии в ходе обеих мировых войн. «Тактизация» широко распространилась в американской армии на исходе холодной войны. В эпоху преобразований, последовавших за уходом из Вьетнама, вооруженные силы США добились искусственного обособления оперативного уровня с целью нейтрализации политического вмешательства в сферу профессиональных военных вопросов. Вместо «моста» армейская корпорация стремилась к тому, чтобы возвести как можно более высокую стену между политическим решением и его последующим военным исполнением [McGrew, 2011, p. 5.]. Это, однако, не уменьшило трений. Например, в 1991 г., в разгар блистательной и победоносной кампании против Ирака, политические цели администрации президента Д. Буша-старшего не простирались далее простого восстановления территориального *status quo* и очищения Кувейта от саддамовских войск. Оперативные же планы генерала Н. Шварцкопфа, главнокомандующего на ближневосточном театре, шли значительно дальше и предполагали сокрушительный разгром противника с последующим перенесением вой-

ны на его территорию [McGrew, 2011, p. 29]. Лишь быстрое признание С. Хусейном поражения предотвратило намечавшийся политико-стратегический разлад.

Другой «распространенной болезнью» можно назвать расщепление предметного поля стратегии. Ее расслаивание оборачивается утратой единства целеустремлений и бесконтрольным умножением сущностей. Сегодня этот недуг чаще всего встречается опять же в американской практике высшего военного управления, где параллельно фигурируют стратегия национальной безопасности, стратегия театра боевых действий, а также морская, космическая и ракетно-ядерная стратегии. В результате планирование теряет стратегический фокус. Люттвак однажды высказал предположение, что стране воплощенной материалистической утопии может быть в принципе чужда идея нормативного выражения долгосрочных стратегических императивов, даже если публично анонсируемые ведомственные документы, озаглавленные этим словом, будут обновляться практически ежегодно [Люттвак, 2012, с. 324].

Крайне тяжелой «болезнью» является «инверсия» или, проще говоря, перестановка, нарушающая иерархический порядок при взаимодействии политики и стратегии. Именно «инверсия» образца 1914 г. оказалась в центре внимания Шапошникова. Порожденная всеобщим страхом запоздалого начала мобилизации, она символизировала торжество средства над целью. В наши дни «инверсия» может быть особенно опасна в ракетно-ядерной области. Ситуация острого международного кризиса всегда таит в себе риск того, что погоня одной из сторон за преимуществом эскалационного доминирования неожиданно сорвет у соперника психологический стоп-кран и напра-

вит дальнейший ход событий по апокалиптическому сценарию, в котором вообще не останется места для рациональных политических и стратегических действий.

Еще один вид аберраций стратегического мышления можно описать метафорой «короткого замыкания». Оно возникает, когда в картине мира государственного деятеля политические цели и военные средства превращаются в ложные тождества. Политический ярус, образно говоря, замыкается в самом себе. Если при «инверсии» политика и стратегия меняются местами, при «коротком замыкании» между ними стирается когнитивная грань. При тяжелом течении заболевания стратегический ракурс и соответствующая проблематика как бы ускользают из поля зрения политики. Этим была примечательна предвоенная деятельность Сталина, а в наши дни – действия российского руководства в момент кульминации украинского кризиса зимой 2021–2022 гг.

В стратегии, как и в жизни, наличие многих «заболеваний» не исключает трудоспособности. Подобно тому, как астматик способен выиграть олимпийские состязания по биатлону, победителем на поле боя может оказаться сторона, стратегическое мышление которой отягощено вредными привычками, предрассудками и заблуждениями. Майским триумфом 1945 г. наша страна обязана верховному главнокомандующему, под влиянием идеологической экзальтации так до конца и не уяснившему, чем же стратегия отличается от политики [Кен, 2004]. Однако не «болезни» ведут победителя по пути успеха. Более того, гром фанфар не дарует автоматического исцеления после войны и не избавляет от необходимости внимательно изучать отягощенный анамнез в поиске поучительных уроков на будущее.

Книга Шапошникова – это сага о приспособлении стратегии к политическим условиям. Она не может быть понята вне контекста отечественной истории 1920–1930-х годов, когда технократические утопии строительства «интегрального Генштаба» разбились о стену стремительно крепнувшей диктатуры. Творческий путь Шапошникова лишний раз показывает, насколько сложно изучать стратегию. Она не синонимом войны, ее предметные границы подвижны и пластичны. Проблемы стратегии, с одной стороны, прорастают внутрь вышестоящего политического яруса, с другой – затрагивают нижестоящий горизонт чисто оперативных решений.

Когда в практике высшего государственного управления заходит речь о смычке стратегического и политического, гораздо проще указать на эталон и дежурно сослаться на бессмертную формулу Клаузевица, нежели действовать адекватно обстоятельствам под давлением тяжелого груза единоличной ответственности. Этому невозможно научиться из книг, и в то же время лишь творческое изучение истории способно сделать нас мудрыми всегда, а не умными в следующий раз.

Список литературы

- Баландин Р.К. Маршал Шапошников. Военный советник вождя. – Москва : Вече, 2005. – 409 с.
- Василевский А.М. Дело всей жизни. – Изд. 4-е. – Москва : Политиздат, 1983. – 544 с.
- Ганин А.В. «Товарищ Склянский – заступитесь...». Генштабисты и чекисты в Гражданскую войну // Родина. – 2009. – № 11. – С. 78–83.
- Ганин А.В. Выбор маршала Победы. Почему Борис Шапошников пошел за красными и какую цену за это заплатил // Родина. – 2016. – № 11. – С. 37–41.

Горелик Я.М. Маршал Советского Союза Борис Михайлович Шапошников: Краткий очерк жизни и деятельности. – Москва : Воениздат, 1961. – 108 с.

Жуков Г.В. Воспоминания и размышления. В 3-х томах. – Изд. 6-е. – Том 2. – Москва : АПН, 1985. – 325 с.

История военной стратегии России / под ред. В.А. Золотарева. – Москва : Кучково поле; Полиграфресурсы, 2000. – 588 с.

Кен О.Н. Мобилизационное планирование и политические решения (конец 1920-х – середина 1930-х гг.). – Изд. 2-е, перераб. – Москва : О.Г.И., 2008. – 510 с.

Кен О.Н. Сталин как стратег (между двумя войнами) // Русский журнал 2004. Войны XX века / под ред. Г.О. Павловского. – Москва : Русский институт, 2004. – С. 51–71.

Кокошин А.А. Выдающийся отечественный теоретик и военачальник Александр Андреевич Свечин: о его жизни, идеях, трудах и наследии для настоящего и будущего. – Москва : Издательство Московского университета, 2013. – 404 с.

Кокошин А.А. Свечин о войне и политике // Международная жизнь. – 1988. – № 10. – С. 133–142.

Кривопапов А.А. Инверсия стратегии в США. Заметки на полях // Россия в глобальной политике. – 2022. – Т. 20, № 6 (118). – С. 98–111.

Люттвак Э. Стратегия. Логика войны и мира / пер. с англ. – Москва : Университет Дмитрия Пожарского, 2012. – 390 с.

Свечин А.А. Стратегия. – 2-е изд. – Москва : Военный вестник, 1927. – 263 с.

Уроки стратегии маршала Шапошникова / Иванихин П.М., Голубев А.Ю., Желнов И.И., Кирсанова Н.М. // Военная мысль. – 2023. – № 11. – С. 136–145.

Шапошников Б.М. Воспоминания. Военно-научные труды. – Москва : Воениздат, 1974. – 574 с.

Шапошников Б.М. Мозг армии. Кн. 1–3. – Кн. 3. – Москва, Ленинград : Государственное издательство. Отдел военной литературы, 1929. – 379 с.

Шлыков В.В. Нужен ли России Генеральный штаб? // Военный вестник. – 2000, № 7. – 40 с.

Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. – Изд. 2-е. – Москва : Воениздат, 1989. – 560 с.

Augier M., Barret S.F.X., Mullen W. Assumptionists in Strategy // Strategy Bridge. – 2021. – June 21. – URL: <https://thestrategybridge.org/the-bridge/2021/6/21/assumptionists-in-strategy> (дата обращения: 10.11.2023).

Erickson J. The Soviet High Command. – London : Macmillan and Co., 1962. – 889 p.

Gray C.S. The Strategy Bridge. Theory for Practice. – Oxford : Oxford University Press, 2010. – 328 p.

Harrison R.W. Architect of Soviet Victory in World War II. The Life and Theories of G.S. Isserson. – Jefferson N.C. ; London : McFarland, 2010. – 411 p.

Hines J.G. Soviet Strategic Intentions 1965–1985; an Analytical Comparison of U.S. Cold-war Interpretations with Soviet Post-Cold-war Testimonial Evidence : Thesis of Dissertation. Doctor of Philosophy. – Edinburgh : The University of Edinburgh, 1995. – Xiv, 346 p.

McGrew M.A. Politics and the Operational Level of War. – Fort Leavenworth, KS : Combat Studies Institute Press, US Army Combined Arms Center, 2011. – 58 p.

On Strategy: A Primer / Ed. by N.K. Finney. – Fort Leavenworth, KS : Combat Studies Institute Press, US Army Combined Arms Center, 2020. – Xvi, 256 p.

Spotlight on New Academic Arrivals

DOI: 10.31249/kgt/2023.05.12

Scientific Legacy of Marshal Boris Shaposhnikov and the Problems of Modern Strategy

Alexei A. KRIVOPALOV

PhD (History), Senior Researcher at the Center for Post-Soviet Studies
Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations
Russian Academy of Sciences (IMEMO RAN)
Profsoyuznaya Street, 23, Moscow, Russian Federation, 117997
E-mail: krivopalov@centero.ru
ORCID: 0000-0002-7916-036X

CITATION: Krivopalov A.A. (2023). Scientific Legacy of Marshal Boris Shaposhnikov and the Problems of Modern Strategy. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 16, no. 5, pp. 204–221 (in Russian).
DOI: 10.31249/kgt/2023.05.12

Received: 27.10.2023.

Revised: 05.12.2023.

ACKNOWLEDGEMENT. This research was funded by the grant from the Russian Science Foundation, Project no. 23-28-00622 “Strategic Culture of the Great Powers in the 20th – 21st Centuries: A Comparative Historical Analysis (as illustrated by the cases of Russia and the United States)” realized at the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, INION RAN.

ABSTRACT. *This paper represents an effort to bring new light to the unique scientific legacy of the Soviet Marshal B. Shaposhnikov. By applying his cautionary advice to the present day, we can identify the underlying causes of the decline in strategic thinking among the world's leading powers. Strategic theory, as a method of scientific analysis, sits at an intersection of disciplines. Born of military thought, it soon caught the attention of historians. Today, the field of strategic theory is being increasingly contested by political scientists and foreign affairs analysts. The disconnect between strategy and policy remains one of the most dangerous pitfalls in state governance. While the problems, achievements and contradictions of strategy*

usually appear topical and relevant, they are best revealed in a wider historical context.

KEYWORDS: *politics, Stalin, strategy, Shaposhnikov, military science, the General Staff, the Great Patriotic War, diplomacy.*

References

- Augier M., Barret S.F.X., Mullen W. (2021). Assumptionists in Strategy. *Strategy Bridge*. June 21. Available at: <https://thestrategybridge.org/the-bridge/2021/6/21/assumptionitis-in-strategy>, accessed 10.11.2023.
- Balandin R.K. (2005). *Marshal Shaposhnikov. Military Adviser to the Leader*. Moscow: Veche, 409 pp. (in Russian).

Erickson J. (1962). *The Soviet High Command*. London: Macmillan and Co., 889 pp.

Ganin A.V. (2009). "Comrade Sklyansky – Stand up...". General Staff and Chekists in the Civil War. *Rodina*. No. 11, pp. 78–83 (in Russian).

Ganin A.V. (2016). The Choice of the Marshal of Victory. Why Boris Shaposhnikov Went After the Reds and What Price He Paid for It. *Rodina*. No. 11. pp. 37–41 (in Russian).

Gorelik Ya.M. (1961). *Marshal of the Soviet Union Boris Mikhailovich Shaposhnikov: A Brief Outline of Life and Work*. Moscow: Voenizdat, 108 pp.

Gray C.S. (2010). *The Strategy Bridge. Theory for Practice*. Oxford: Oxford University Press, 328 pp.

Harrison R.W. (2010). *Architect of Soviet Victory in World War II. The Life and Theories of G.S. Isserson*. Jefferson N.C.; London: McFarland, 411 pp.

Hines J.G. (1995). *Soviet Strategic Intentions 1965–1985; an Analytical Comparison of U.S. Cold-war Interpretations with Soviet Post-Cold-war Testimonial Evidence*. Doctor of Philosophy Thesis. Edinburgh: University of Edinburgh, xiv + 346 pp.

Istoriya... (2020). Zolotarev V.A. (ed.). *The History of Russia's Military Strategy*. Moscow: Kuchkovo field; Polygraph Resources, 588 pp. (in Russian).

Ken O.N. (2004). Stalin as a Strategist (between Two Wars). In: Pavlovsky G.O. (ed.). *Russian Journal 2004. Wars of the XX century*. Moscow: Russian Institute, pp. 51–71 (in Russian).

Ken O.N. (2008). *Mobilization Planning and Political Decisions (late 1920s – mid-1930s)*. 2nd ed. Moscow: O.G.I., 510 pp. (in Russian).

Kokoshin A.A. (1988). Svechin on War and Politics. *International Life*. No. 10, pp. 133–142 (in Russian).

Kokoshin A.A. (2013). *Outstanding Russian Theorist and Military Commander Alexander Andreevich Svechin: His Life,*

Ideas, Works and Legacy for the Present and the Future. Moscow: Moscow University Press, 404 pp.

Krivopalov A.A. (2023). Inversion of U.S. Strategy. Marginal Notes for On Strategy: A Primer. *Russia in Global Affairs*. Vol. 21, no. 1, pp. 200–212. DOI: 10.31278/1810-6374-2023-21-1-200-212.

Luttwak E. (2012). *Strategy. The Logic of War and Peace*. Moscow: Dmitry Pozharsky University, 390 pp. (transl. into Russian).

McGrew M.A. (2011). *Politics and the Operational Level of War*. Fort Leavenworth, KS: Combat Studies Institute Press, US Army Combined Arms Center, 58 pp.

On Strategy... (2020). Finney N.K. (ed.). *On Strategy: A Primer*. Fort Leavenworth, KS: Combat Studies Institute Press, US Army Combined Arms Center, xvi + 256 pp.

Shaposhnikov B.M. (1929). *The Brain of the Army*. In 3 books. 3rd book. Moscow, Leningrad: State Publishing House Department of Military Literature, 379 pp. (in Russian).

Shaposhnikov B.M. (1974). *Memoirs. Military Scientific Works*. Moscow: Voenizdat, 574 pp. (in Russian).

Shlykov V.V. (2000). Does Russia need a General Staff? *Military Bulletin*. No. 7, 40 pp. (in Russian).

Shtemenko S.M. (1989). *The General Staff During the War*. 2nd ed. Moscow: Voenizdat, 560 pp. (in Russian).

Svechin A.A. (1927). *Strategy*. 2nd ed. Moscow: Military Bulletin, 263 pp. (in Russian).

Uroki strategii... (2023). Ivanikhin P.M. et al. Lessons of Marshal Shaposhnikov's strategy. *Military Thought*. No. 11, pp. 136–145 (in Russian).

Vasilevsky A.M. (1983). *The Matter of My Whole Life*. 4th ed. Moscow: Politizdat, 544 pp. (in Russian).

Zhukov G.K. (1985). *Memoirs and Reflections*. In 3 vol. 6th ed. Vol. 2. Moscow: APN, 325 pp. (in Russian).